

УДК 130.32

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО МЕТАЭТНИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ЭСКИЗ

Лагунов А. А., Семкина Е. Н., Ющенко В. Н.

***Аннотация:** В статье предлагаются некоторые методологические подходы к исследованию российского метаэтнического менталитета. Утверждается, что этот менталитет является специфическим способом существования российского общественного сознания в социально-историческом времени и находится с национальной философией в отношении взаимной обусловленности, вследствие чего изучение русской/российской философской традиции есть наиболее рациональный путь для уяснения особенностей отечественного менталитета. Опровергаются взгляды, в соответствии с которыми менталитет понимается как совокупность априорных неизменяемых качеств представителей общности; по мнению авторов, структуру менталитета составляют изменчивые свойства множества личностей, характеризующие их как общественную целостность. Следовательно, приоритетной задачей становится не поиск в конкретном менталитете его сущностных качеств, якобы априорно данных, а попытки найти ответы на вопросы, связанные с формированием определенных, принципиально изменчивых свойств этого феномена. На основании критического анализа классических (Н.А. Бердяев) и современных (А.А. Еромасова) представлений об особенностях отечественного менталитета проводится авторская конкретизация исторических ментальных характеристик российского метаэтноса.*

***Ключевые слова:** метаэтнос, менталитет, общественное сознание, российский метаэтнический менталитет, отечественная философия, историческая память.*

С момента зарождения российской государственности политика властной элиты была направлена на объединение племен и народов, населявших огромные территории, что обуславливало формирование общего для них социокультурного пространства, следовательно, можно говорить и о становлении с этого времени русского/российского метаэтнического менталитета. Как представляется, само слово «русские», являясь прилагательным, в отличие от прочих этнонимов-существительных, уже о многом говорит: оно свидетельствует о принадлежности, «приложении» того или иного человека к общности «русских» не по самому факту его родового существования, а вследствие выражения им определенного отношения к ней, принятия свойственных ее представителям жизненных смыслов, ценностей, целей, идей и идеалов, которые со времени крещения Руси вплоть до конца XIX – начала XX вв. выражались православным исповеданием (недаром тогда понятия «русские» и «православные» практически отождествлялись). По этому факту мы можем заключить, что одной из важнейших функций российско-

го метаэтнического менталитета исторически являлась идеологическая, скреплявшая различные этносы в едином смысло-жизненном пространстве. В начале XX в., как известно, идеологические ориентиры кардинально изменились, однако их огромная важность для жизни советского народа (метаэтноса) сохранялась [1]. Конечно, идеологическая функция свойственна всякому менталитету, однако в случае русского/российского общества метаэтническая и конфессионально-идеологическая идентичности если не совпадали, то существенным образом пересекались в течение почти девяти столетий, и это наложило рельефный отпечаток на метаэтнический менталитет, подтверждением чему и служит последующее сохранение идеологической приверженности в советском метаэтническом менталитете, преемственном по отношению к российскому, при почти полном разрыве с прежней православной идеологией.

В. Д. Губин обращает внимание на то, что: «Именно немцы первыми указали на ту истину, что каждый народ обладает уникальным коллективным духом», что он имеет право на эту уникальность, на ее сохранение и отстаивание. «Русские одними из первых учились этой германской идеологии национальной самозащиты» [2, с. 122], – утверждает он. Но учиться – не значит слепо копировать. Всякое обучение требует не только усвоения материала, накопленного ранее, но и последующего творческого его развития. Эта задача была успешно выполнена отечественной философией, отстаивавшей право российского метаэтноса на духовную уникальность [3]. Философия, с одной стороны, является наиболее адекватным отображением того общественного сознания, в пространстве которого она сформировалась, с другой, поскольку важнейшей ее функцией является мировоззренческая, оказывает существенное влияние на это общественное сознание. Этнический (метаэтнический) менталитет как способ существования общественного сознания в социально-историческом времени также находится с национальной философией в отношении взаимной обусловленности: одновременно и участвует в ее становлении и развитии, и изменяется под воздействием оформляющихся философских концептов и концепций. Поэтому наиболее рациональный путь для уяснения особенностей отечественного менталитета – изучение русской/российской философской традиции. По мысли М. А. Маслина, «русская философия в ее истории является историко-философским отечествоведением, она отражает и прочитывает российскую реальность и находится по отношению к ней в состоянии социокультурной обусловленности» [4, с. 91].

При использовании наработок отечественных мыслителей в качестве важнейшего средства для раскрытия особенностей российского метаэтнического менталитета следует помнить о предостережении, данном С. С. Аверинцевым: «...всякий, кто – со ссылками на Юнга или без таких ссылок – желает исходить из концепции коллективного бессознательного и архетипов такового, обязан иметь в виду юнговские предупреждения насчет амбивалентности всякого архетипа, оборачивающегося в конкретных реализациях своими противоположными сторонами. Архетипическое само по себе – не содержательная характеристика явлений, а только их отвлеченно-формальное конструирование» [5, с. 372]. Мы должны уйти от тех представлений о структуре менталитета, согласно которым архетипически-бессознательное и априорное включается в нее; заменив бес-

сознательное на подсознательное, мы, во-первых, отнесем все элементы этой структуры к плодам апостериорной, сознательной деятельности человека, пусть даже им и не рефлекслируемым, и, во-вторых, создадим возможность говорить об этих элементах как об изменчивых свойствах, а не стабильных качествах.

Пример иного подхода, в котором понятие «души народа» излишне биологизируется, и, соответственно, проявляет себя архетипическая амбивалентность, представляет знаменитое рассуждение Н. А. Бердяева о двойственности русской души. Философ первоначально определяет, что к разгадке, сокрытой в этой душе тайны можно подойти, только признав ее антиномичность, «жуткую противоречивость», и далее с особенными подробностями выделяет следующие две антиномии души России:

1. В отношении русского сознания к государственности: безгосударственность, анархичность, аполитичность и, одновременно – самые «выдающиеся» во всем мире государственность и бюрократичность; если первая сторона этого «душевного противоречия» объясняется «женственностью» России, то вторая – фиксируется как факт, без объяснений.

2. В отношении к национальности: не шовинистичность (национализм в России «всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины»), сверхнационалистичность, универсалистичность («Национален в России именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма»), с другой же стороны – опять же, самая ярко выраженная в мире националистичность, основанная на русском самомнении, выражающемся, прежде всего, в том, что «Россия почитает себя не только самой христианской, но и единственной христианской страной в мире».

Затем мыслитель утверждает: «Ту же загадочную антиномичность можно проследить в России во всем. Можно установить неисчислимое количество тезисов и анти-тезисов о русском национальном характере, вскрыть много противоречий в русской душе» [6, с. 10-20]. Он кратко намечает некоторые из них: с одной стороны, безграничная свобода духа, не буржуазность («бытовая свобода»), «неудовлетворимость ничем временным, относительным и условным», откуда проистекает мятежность, бунтарство; с другой – «неслышанный сервилизм», «жуткая покорность», отсутствие сознания прав и достоинств личности, ее подавленность коллективом, консерватизм (Россия – «страна крепкого быта и тяжелой плоти»), порабощенность. Объясняются все эти противоречия несоединенностью мужественного и женственного в русской душе, всегда ожидающей мужского начала извне, и это объяснение является не чем иным, как очередной попыткой биологизаторства.

Несмотря на удивительную точность некоторых проведенных Н. А. Бердяевым оценок, все же заметим, что совместить их при рассмотрении единого целостного феномена достаточно сложно, если вообще возможно. Отметим, что качества русской души интерпретируются мыслителем преимущественно как врожденные, наличные по самому факту существования русских людей, хотя и зависящие от влияний социальной среды. Понимание менталитета как совокупности априорных неизменяемых качеств представителей общности, на наш взгляд, не является полезным для конструктивной социаль-

ной теории, стремящейся отобразить саму общественную реальность, а не преходящие исторические мнения о ней, имеющие или превосходную, или уничижительную степень. Осознание того факта, что структуру менталитета составляют изменчивые свойства множества личностей, характеризующие их как общественную целостность, позволяет диалектически анализировать факторы преемственности и изменчивости этого субъективно-объективного феномена, исходя из предпосылки о процессах развития как борьбе противоречий, в результате которой противоположности, имеющиеся в комплексах свойств конкретных личностей, составляющих общность, взаимно переходят друг в друга, и здесь дискурс об антиномиях станет весьма полезным. «Как же совмещалось в русской душе роевое начало с личностным? – спрашивает по поводу одной из таких антиномий А. В. Гулыга. – Вот так и совмещалось. В русском национальном характере совмещаются противоположности. И непрерывно переходят друг в друга. Конечно, и у других народов можно найти подобные противоположности. Но только в России “тезис оборачивается антитезисом”» [7, с. 22].

При таком подходе методология исследования менталитета становится уже иной: требуется не анализировать в конкретно данном феномене его сущностные качества, якобы априорно данные, а пытаться найти ответы на вопросы, связанные с формированием определенных свойств (принципиально изменчивых) этого феномена – почему, например, в русском национальном характере противоположности проявляются особенно ярко? В частности, на наш взгляд, это следует обязательно связать с длительным временем имевшим доминирующее воздействие на российский метаэтнический менталитет христианским мировоззрением, об антиномичности которого писали многие русские и зарубежные классики.

В. В. Бибихин отмечал, что вопрос «кто мы» – слишком большой, к нему трудно даже подойти, и высказывал по поводу ответа на него только одно «осторожное предположение», в соответствии с которым особенность нашего государственного существования, сказывавшаяся с самого начала и дающая знать о себе и сегодня, состоит в том, «что за человеком у нас мало признается право на частное, по своему человеческому разуму обустройство на земле. Причина запрета, похоже, не столько в недоразвитии чувства личности или в недостатке достоинства, сколько в, если хотите, мудром знании, что никакое самоустройство человека на земле все равно по-настоящему не устроит. Отсюда, возможно, и всегдашняя слабость нашего самоуправления, и наша уникальная централизация, построенная на уступчивости местной общины. Сюда же надо отнести и редкостную, в сравнении с другими большими странами, одинаковость образа жизни и языка» [8, с. 265]. Ясно, что в данном случае на формирование указанной философией особенности оказало преимущественное влияние именно христианское мировоззрение, христианская идеология – не ислам, в котором идеал построения общности, уммы всегда предполагал «неразделенность религии и политики в правовом оформлении» [9, с. 12-13], не иудаизм, исконно внимательно относившийся к материальной стороне жизнедеятельности человека, и не язычество, антропоморфизирующее даже богов и заставляющее их действовать в соответствии с человеческими принципами. Тезис же о невозможности построения Царства Божьего на грешной земле – явно христианский.

Кстати говоря, и две особо выделенные Н. А. Бердяевым антиномии русского сознания, проявляемые им в отношении к государственности и к национальности, вполне объясняются, если исходить из антиномий общехристианского мировоззрения: а) антиномии государства и Церкви, которая одновременно и «не от мира сего», и погружена в земные реалии, разрешающейся в концепции «симфонии» светской и духовной властей; б) антиномии христианского универсализма, согласно которому в жизни Церкви «нет ни эллина, ни иудея», и церковно-национального партикуляризма, опирающегося на вытекающее из концепции соборности утверждение об уникальности и особых функциях, как каждого человека, так и всякого народа. Эти антиномии христианского мировоззрения не могли не сказаться на менталитете российского метаэтноса, долгое время ему приверженного.

Н. А. Бердяев в другом месте писал, тем самым как бы косвенно подтверждая нашу мысль о возможности объяснения антиномичности русской души через христианские антиномии: «Очень важно отметить, что русское мышление имеет склонность к тоталитарным учениям и тоталитарным мирозерцаниям. Только такого рода учения и имели у нас успех. В этом сказывался религиозный склад русского народа» [10, с. 565]. Эта склонность к «тоталитарным мирозерцаниям» также была выработана посредством рецепции у Византии полностью догматически оформленного христианского мировоззрения, соответственно, обуславливавшего и до тонкостей проработанную идеологию. Любая же идеология имеет тенденцию к тоталитаризации всех сторон жизнедеятельности человека, к приданию им смысловой целостности и четко определенной направленности. Другое дело, что далеко не всякая идеология этого достигает, в случае же с христианской идеологией на российской почве тенденция к тоталитаризации мышления и действия личностей проявилась в полной мере, способствуя тем самым формированию устойчивого в историческом времени метаэтнического менталитета.

Сегодня воздействие религий вообще и христианства в частности на этнические и метаэтнические менталитеты ослабевает вследствие роста процессов секуляризации [11], однако не учитывать его вовсе будет неправомерно, особенно если вспомнить о феномене «религиозного возрождения», возникшем в конце XX в. и возвратившем религиям часть их бывшего влияния. Современные исследователи выделяют особенности русского менталитета, объяснить многие из которых можно, только исходя из христианского мировоззрения как их главного фактора, причем не только исторического. Помимо того, разумеется, и другие социокультурные факторы принимали и продолжают принимать участие в формировании, по выражению А. А. Еромасовой, «ментальных качеств русского человека» (здесь не место полемизировать о терминологии, вследствие неокончателной сформированности понятия менталитета она и не может быть у всех одинаковой, однако отметим, что, согласно принятым нами методологическим предположениям, уместнее вести речь о «ментальных свойствах», поскольку качество есть априорная и неизменная особенность чего-либо).

А. А. Еромасова предпринимает попытку выделения некоторых специфических свойств не русского метаэтнического менталитета, а именно русского этнического менталитета, что само по себе можно считать знаковым явлением для современности,

свидетельствующим об ослаблении в российском метаэтническом менталитете такого свойства как, в терминологии Н. А. Бердяева, «сверхнационализм», «свобода от национализма», в терминологии Ф. М. Достоевского – «вселенскость» и «всечеловечность». Это ослабление обуславливается, по нашему мнению, уменьшением воздействия на умы современников христианского мировоззрения. Думается, столетие назад никому бы в голову не пришло говорить о «русском сознании» в узко-этническом смысле, так не делали, рассуждая и об общественном сознании «советского народа» (по несколько другой, но тоже идеологической причине). Представляется, что попытки акцентирования внимания на «русскости» как этническом феномене в условиях полиэтничной России не могут быть полезными, и дело здесь, конечно, не в «ущемлении прав» русского населения, а в том, что русские исторически ощущали себя именно как «многонациональный народ» [12], а не культурно-изолированный этнос.

Мы приведем некоторые выделенные А. А. Еромасовой характеристики русского менталитета, сопровождая их в скобках критическими замечаниями. Она пишет о:

– парадоксальности ментальных проявлений, обусловленной их крайней противоречивостью, вследствие чего на равных правах существуют разнонаправленные ментальные черты (говоря об амбивалентности русского характера, речь следует вести, на наш взгляд, о проявлении различных свойств или у разных личностей, или даже у одной и той же, но в разное время, проявлении, способствующем диалектическому развитию менталитета как «стабильно-изменчивой» целостности, – а не об одновременном, даже болезненном сосуществовании противоречивых черт в личностях, составляющих общность);

– безмерности жизненного порыва, проявляющегося в необычайной страстности и максимализме (эта экзистенциальная характеристика, разумеется, применима к отдельным представителям русского народа, но делать ее всеобщей, по нашему мнению, слишком поспешно);

– стремлении к абсолютным ценностям, выражающемся в «неимоверной тяге» «к переустройству земной жизни на началах добра и справедливости» (такое стремление, думается, может быть обусловлено только влиянием сильной общей идеологии, в случае российского метаэтноса – христианской, позже коммунистической);

– «созерцании сердцем», первенстве «чувственной составляющей в триаде национального сознания “воля-чувства-мышление”», что выражается в иррациональности и некритическом мировосприятии, а также в милосердии, отзывчивости, доброте» (иррациональность и некритическое восприятие действительности вообще свойственны религиозному сознанию; здесь мы снова сталкиваемся с последствиями сильного влияния религий и квазирелигий на метаэтнический менталитет, – а вера, прежде всего, духовное чувство, – влияния, ослабевающего сегодня вследствие процессов секуляризации; что же касается таких положительных человеческих черт как милосердие, отзывчивость и доброта, то формирование их в большой мере зависит от воспитания, от усвоения личностью в процессе социализации ценностей и идей, в том числе традиционных);

– национальной стойкости, повышенной готовности «к перенесению жизненных невзгод, русским инвариантом которой является непротивление злу насилием (Л. Н. Толстой)»

(и с этим нельзя не согласиться, трудная история способствовала выработке таких черт, только возникает вопрос – при чем здесь концепция «непротивленчества», как известно, распространенная среди разночинной интеллигенции, достаточно сильно разошедшейся в понимании «войны и мира» с основной массой народа, что готовило предпосылки грандиозного поражения России в Первой Мировой?);

– любви к свободе (такая любовь в принципе свойственна личности, вопрос в том, существуют ли условия для ее реализации, раскрывающей личностный потенциал творческой деятельности);

– яркой выраженности «общинной и соборной сути русского национального менталитета» и «слабой самодисциплины» (исторически общинность как характерная черта земледельческих народов и соборность как организационный принцип восточного христианства, экстраполированный русскими религиозными философами на представления об идеальном устройстве общественной жизни, в определенной мере, конечно, были свойствами российского метаэтноса, однако не совсем ясно, каким образом они связываются автором со слабой самодисциплиной – разве что в аспекте сравнения общинно-соборного устройства социального объединения с авторитарным, требующим от личностей дисциплинированности в смысле беспрекословного подчинения);

– «всечеловеческой толерантности», выражаемой в терпимом отношении к иноплеменникам, «всеприимности» «заимствовать у других народов как позитивные, так и негативные ценности» [13, с. 39] (нам представляется, что понятие толерантности, сравнительно недавно вошедшее в социально-философский категориально-понятийный аппарат, не совсем уместно при описании исторических свойств русского народа, точнее говорить о понимании, сочувствии, сострадании; что же касается готовности воспринять всякие ценности, то это просто неверно – такая особенность проявлялась обычно у примитивных в социокультурном смысле этносов, чего не скажешь о русском народе, тем более – российском метаэтносе, полагаем, здесь следует вести речь об открытости влияниям других культур, экстравертности, подразумевающей существенный «отбор» усваиваемых ценностей).

Мы видим, что характеристики, даваемые автором русскому менталитету, во-первых, не всегда обоснованы конкретно-историческими данными и, во-вторых, расплывчаты, эмоциональны, не систематизированы и логически не в достаточной степени аргументированы, чего бы очень хотелось. Однако зададимся вопросом – а возможна ли вообще четкая систематизация и логическая аргументация элементов менталитета как постоянно изменяющейся во времени целостной системы? Не согласимся ли мы со скепсисом Гераклита – приступая к изучению ментальных свойств, мы в процессе их осмысления входим уже в другую «реку»? Но если согласимся, то зачем тогда вообще начинать изучать что-либо, не только менталитет? Представляется, что в отношении менталитета уместен следующий подход: нужно фиксировать проявления его свойств в личностях, составляющих ту или иную общность, не забывая о непосредственной связи этих свойств с исторической памятью, с традициями. Иначе: если мы будем помнить о героических свершениях наших предков, стремиться быть подобными им, то будут

проявляться в нашем менталитете и «национальная стойкость», и «готовность к перенесению жизненных невзгод», если сохраним почтение к идеологическим святыням, то покажем свое «стремление к абсолютным ценностям»; если же этого не будет, тогда у нас, в нашем менталитете, возникнут совершенно другие особенности – в зависимости от той социальной среды и того общественного сознания, которые сформируются при этом. Следовательно, чрезвычайно важно, даже необходимо следить за состоянием конкретного менталитета, стараясь по возможности корректировать его отклонения в стороны, оцениваемые нами как негативные; воспринимать отечественный менталитет не только как данность, но и как заданность, жизненный «проект», который зависит от нас самих, от нашей воспитательно-образовательной парадигмы. И, что важно, помнить общественную закономерность, в соответствии с которой народ, утративший свою историческую память, забывший о традициях, перестает им быть. Конкретные личности с врожденными априорными качествами останутся, а именно этого народа с его общественным сознанием и менталитетом, утратившими преемственность, уже не будет. Такая закономерность накладывает на нас величайшую ответственность за собственное будущее, кстати, ответственность, проявляющую такую особенность менталитета как «любовь к свободе», потому что свободным может быть только народ, обладающий самосознанием, соответственно, самостоятельным, самобытным менталитетом.

Сложность исследования специфики современного российского менталитета состоит в том, что, во-первых, в процессе его проведения необходимо выделить особенности мышления и действия, характерные не только для русского народа, но и для всех этносов, входящих сегодня в состав Российской Федерации (относительно этносов, входивших ранее в российское или советское территориальное пространство, следует отметить, что общие черты с российским менталитетом у них, хотя и сохраняются достаточно длительное время, но без постоянного социокультурного влияния постепенно стираются), и, во-вторых, сами эти выделяемые особенности под воздействием процессов универсализации, при экспоненциальном росте информатизации и коммуникации, непрерывно изменяются.

Опираясь на все вышеизложенное, попробуем выделить основные исторические особенности российского метаэтнического менталитета, к которым отнесем такие как: сильная приверженность идеологиям, религиозным мировоззрениям; повышенное чувство государственности, тяга к централизационным мероприятиям; аполитичность, склонность к анархии, бунтарству, примат справедливости над правом; универсализм, «сверхнационализм»; уверенность в собственном нравственном превосходстве над другими этносами и метаэтносами, мессианизм; «широта» души, обусловленная, в том числе, необъятностью географического пространства, любовь к свободе; покорность, малая осознанность личностных прав и достоинств; согласие с приоритетностью коллектива над личностью (общинность, коллективизм); консерватизм («прежнее лучше нового»); максимализм («или все, или ничего»); стремление к абсолютным ценностям; иррациональность восприятия действительности; жизненная стойкость, готовность к перенесению невзгод ради желаемой цели; соборность («единство в многообразии», возможное

на основе любви); экстравертность, открытость влиянию иных культур, в сочетании с интровертностью (амбивертность).

Согласимся, что некоторые выделенные особенности действительно противоречивы, и это свидетельствует как о подвижности российского метаэтнического менталитета в социально-историческом времени, так и о его потенциальной способности к развитию через эти противоречия. Повторимся: особенности эти исторические, они не сохранились в прежнем виде в современном российском менталитете, однако выскажем предположение, что их модификации должны в нем присутствовать в силу сохранения метаэтнической преемственности, несмотря даже на сильнейшее воздействие универсализационных процессов.

Список литературы

1. Смирнов А. Ю., Лагунов А. А. Определение этноментальных характеристик российского правосознания как актуальная проблема социальной философии // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2011. № 2. – С. 184-187.
2. Губин В. Д. Русская самобытность и немцы // OMNIA CONJUNGO: Сборник научных работ в честь 65-летия проф. В. В. Сербиненко. – М.: РГГУ, 2015. – С. 119-127.
3. Метафизика социокультурного бытия в опыте русской философии: монография / Баранов С. Т. и др. – Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет, 2010. – 334 с.
4. Маслин М. А. Зарубежная историография русской философии // OMNIA CONJUNGO: Сборник научных работ в честь 65-летия проф. В. В. Сербиненко. – М.: РГГУ, 2015. – С. 82-91.
5. Аверинцев С. С. Собрание сочинений. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – 448 с.
6. Бердяев Н. А. Судьба России. Самопознание. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 544 с.
7. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
8. Бибахин В. В. Другое начало. – СПб.: Наука, 2003. – 430 с.
9. Кирабаев Н. С. Политическая мысль мусульманского средневековья: монография / Н. С. Кирабаев. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 256 с.
10. Бердяев Н. А. Русская идея. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 832 с.
11. Лагунов А. А. Философский дискурс о мировоззренческих метаморфозах // Христианское чтение. 2018. № 3. – С. 224-235.
12. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // <https://zakonbase.ru/konstitucija-rg> (дата обращения 20.05.2022 г.).
13. Еромасова А. А. Русский менталитет: антропо-культурное своеобразие (на материалах Дальнего Востока) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Еромасова Александра Анатольевна. – СПб., 2011. – 48 с.

Сведения об авторах

Лагунов Алексей Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета. *E-mail: alagunov@ncfu.ru*

Семкина Евгения Николаевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин Невинномысского государственного гуманитарно-технического института.

Ющенко Виталий Николаевич – соискатель, кафедра социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета.

Lagunov A. A., Semkina E. N., Yushchenko V. N.

FEATURES OF THE RUSSIAN METAETHNIC MENTALITY: A METHODOLOGICAL SKETCH

***Annotation:** The article proposes some methodological approaches to the study of the Russian meta-ethnic mentality. It is argued that this mentality is a specific way of the existence of Russian public consciousness in socio-historical time. He is with national philosophy in relation to mutual conditioning, as a result of which the study of the Russian / Russian philosophical tradition is the most rational way to understand the peculiarities of the national mentality. The views are refuted, according to which the mentality is understood as a set of a priori unchanging qualities of the representatives of the community. According to the authors, the structure of the mentality is made up of the changeable properties of many personalities that characterize them as a social integrity. Consequently, the priority task is not to search in a particular mentality for its essential qualities, supposedly given a priori, but to try to find answers to questions related to the formation of certain, fundamentally changeable properties of this phenomenon. On the basis of a critical analysis of classical (N.A. Berdyaev) and modern (A.A. Eromasova) ideas about the peculiarities of the national mentality, the author concretizes the historical mental characteristics of the Russian metaethnos.*

***Key words:** meta-ethnos, mentality, public consciousness, Russian meta-ethnic mentality, Russian philosophy, historical memory.*

References

1. Smirnov A. Yu., Lagunov A. A. Determination of the ethnic characteristics of Russian legal awareness as an urgent problem of social philosophy // Bulletin of the North Caucasus State Technical University. 2011. No. 2.-S. 184-187.

2. Gubin V. D. Russian identity and Germans // *Omnia Conjungo: a collection of scientific works in honor of the 65th anniversary of prof. V.V. Serbinenko.* – M.: RSU, 2015.-S. 119-127.
3. *Metaphysics of sociocultural being in the experience of Russian philosophy: monograph* / Baranov S. T. et al.-Stavropol: North Caucasian State Technical University, 2010.-334 p.
4. Maslin M. A. Foreign historiography of Russian philosophy // *Omnia Conjungo: Collection of scientific works in honor of the 65th anniversary of prof. V.V. Serbinenko.* – M.: RSU, 2015.-S. 82-91.
5. Averintsev S. S. *Collected works.* – Kyiv: Spirit I LITERA, 2005 . – 448 p.
6. Berdyaev N. A. *The fate of Russia. Self -knowledge.* – Rostov N/D.: Phoenix, 1997. – 544 p.
7. Gulyga A. V. *Russian idea and its creators.* – M.: Eksmo, 2003 . – 448 p.
8. Bibikhin V. V. *Another beginning.* – St. Petersburg: Nauka, 2003 . – 430 p.
9. Krabev N. S. *Political thought of the Muslim Middle Ages: Monograph* / N.S. Krabev. –M.: Publishing House RUDN, 2005.-256 p.
10. Berdyaev N. A. *Russian idea.* – M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2005 . – 832 p.
11. Lagunov A. A. *Philosophical discourse on worldview metamorphoses // Christian reading.* 2018. No. 3.-S. 224-235.
12. *The Constitution of the Russian Federation [Electronic resource] // <https://zakonbase.ru/konstitucija-rf> (date of circulation 05.20.2022).*
13. Eromasova A.A. *Russian mentality: anthropo-cultural originality (based on the materials of the Far East): Author. dis.Dr. Philos. Sciences: 09.00.13 / Eromasova Alexandra Anatolyevna.* – St. Petersburg, 2011. – 48 p.

Lagunov Alexey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social Philosophy and Ethnology of the Humanitarian Institute of the North Caucasus Federal University.

Semkina Evgenia Nikolaevna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal and Humanitarian Disciplines of the Nevinnomyssk State Humanities and Technical Institute.

Yushchenko Vitaly Nikolaevich – applicant, department of social philosophy and ethnology of the Humanitarian Institute of the North Caucasus Federal University.